

Михаил КОРДОНСКИЙ

Два полюса третьего мира

Директор детского дома в Красноярском крае вдруг решила, что дети должны жить в семье, а не в ее заведении, и что оно отныне станет не более чем местом транзита детей в приемные семьи. Самое удивительное, что ей это удалось! Счет детей, нашедших новую семью, идет на десятки, что в масштабах маленького городка поразительно!

Если бы этот опыт получил широкое распространение, то проблема беспризорности и сиротства как в России, так и в Украине была бы решена. Несмотря на бедность, семей, желающих взять ребенка, у нас намного больше, чем беспризорных.

Во всех "позитивных" публикациях о приютах рассказывается, как много и вкусно дети едят и обслуживаются психологами. В "негативных" — о том, что нет денег на еду, одежду, ремонт помещений и, конечно, зарплату.

Между тем как официальные данные, так и мои личные наблюдения свидетельствуют: обитатель среднего детского дома, приюта или интерната в России и Украине обеспечен лучше, чем ребенок в обычной семье. Особенно это заметно по параметрам жилья. Законодательные и подзаконные акты о соцпомощи содраны со стандартов богатых стран или взяты с потолка здания Госдумы, Рады или министерства. Например, по украинским законам в каждом приюте (обычно на 50 детей) должен быть отдельный стоматологический кабинет со всем оборудованием, врачом и материалами, естественно, бесплатный — для неимущих же. Кабинетов таких, конечно, нет, как-то отмазываются директора от налетов санэпидемстанций. Но многие другие параметры приходится соблюдать: качество и площадь помещений на ребенка намного лучше и больше, чем в средней благополучной семье. Соответственно — расходы на отопление, электроэнергию и прочие коммунальные услуги. Плюс зарплата персонала, у нас его примерно столько же, сколько воспитанников. ("А в Америке, — говорят персоналии, — в три раза больше.") Итого затраты государства на детдомовского (приютского, etc.) ребенка в разы выше, чем на семейного. В семье-то родители зарплату не за воспитание ребенка получают, а сами в жизни зарабатывают, некоторые еще и налоги платят... ну, даже если не платят — хоть ребенка кормят.

В результате масштабного приютостроительства число детей на улицах уменьшилось. Это означает всего-навсего, что беспризорные теперь живут не на улице. Они припрены, но не перестали от этого быть вне общества. Нельзя отрицать некоторый позитив процесса: декриминализацию общества. Популярными в желтой прессе страшилки про издевательства над детьми в детдомах основаны на реальных, но маргинальных фактах. Народ любит развлекаться, почитывая-посматривая чернуху, но большинство здравомыслящих людей интуитивно и прагматично понимают, что типичный детдом похож на криминальную хронику не более чем Америка — на голливудский фильм про маньяков.

Если бы общественное мнение душой восприняло то, что происходит в здоровых, хороших, некриминальных ДД...

ТАМ СОЗДАЮТ ПОКОЛЕНИЕ ИЖДИВЕНЦЕВ.

Их выпускники, как правило, не способны работать — социализоваться. Впрочем, и нет в ходу такого понятия "выпускники", нет статистики успешности, нет и определенных параметров успеха. Социальная помощь в современном всех слаборазвитых странах понятию — это процесс вечного призрания. Сыт, одет, обласкан психологами? Значит, все окей! Перерос указанный в "Положении об учреждении" возраст? Зачислить в штат сторожем (а то и воспитателем) с продолжением проживания в той же комнате. Штат кончился? Просить дополнительный, потрясая американскими экзаменами. Строить "общежития для бездомных" — фактически те же приюты, но уже для взрослых. Потом — дома престарелых. И на все это просить денег, денег, денег — у государства, спонсоров, хватая за души лапами милосердия. В то время когда, как дипломатично говорят министры, "демографическая ситуация неблагоприятна", население уменьшается, а параллельно несколько миллионов детей и молодых людей растут и вступают в... нетрудовую жизнь. Индустрия призрания строится как по учебнику, только не педагогики, а маркетинга: производство должно рождать новый спрос, порождая новый рост производства, расширение отрасли и занятость. Занятость — персонала детдомов, приютов, общежитий для бездомных, социальных работников... Да им просто это выгодно! Им — не каждому индивидуально, но всему сословию. Зарплату, увеличения которой это сословие требует, они получают за что? За создание новых иждивенцев — новой работы для себя!

В большинстве развитых стран передача детей в благополучные семьи является генеральным путем, позволяющим свести беспризорность к минимуму.

Только не надо пудрить мне мозги рассуждениями, что у нас бедно и поэтому все не так. Все так же, но беднее. Кто хочет жить богаче — пускай эмигрирует. Мы живем, как живем, сегодня, а не в светлом будущем. Миллионы других детей, не беспризорных, после школы, армии переезжают из сел в города (иногда наоборот — в село из города), устраиваются на стройки, за прилавки, снимают квартиры и пашут, пашут, пашут! Устраивают свою небогатую, но уж какую у нас есть, жизнь. Небеспризорность — это внутреннее свойство личности. И создается оно обычным семейным воспитанием. А даже если не создается? Семья — самодостаточная и экономически максимально независимая структура. Там уже внутрисемейное дело, будет ли ребенок висеть на шее у родителей до 25 лет, до 30, а то и больше... все мы понимаем, что таких уже немного, но пособия на детей семьям выплачиваются только до определенного возраста — это даже у нас возражений не вызывает. Дальше — личное, недотационное.

У нас передача детей в семьи не получается, и моему собеседнику это известно. Мало ли в мире энтузиастов, подвижников, пассионариев? Мало, но артефактом подвижничества не удивишь. Запишем в этот список директора детского дома Светлану Катаргину — и для массового читателя рассказ можно бы и закончить.

Но собеседник у меня необычный, он знает, что разговор только начат. Сергей Костин, председатель совета

Фото Евгения Волокина

директоров благотворительного фонда "Дорога к дому" — крупнейшей на юге Украины некоммерческой организации помощи бездомным, беспризорным, наркоманам, больным СПИДом и т. п., человек европейской культуры и всепланетного масштаба. По итогам 2002 и 2003 годов входил в двадцатку лучших социальных предпринимателей мира. На Всемирном экономическом форуме в Давосе от Украины уже три раза подряд было только два официальных участника: премьер-министр страны и — Сергей Костин. Разговор наш происходит на улице Софиевской, 10, на импровизированном "круглом столе" по проблемам беспризорности. Уникальные подвижники Костину интересны так же, как любому из нас, но как профессионалу ему нужны "модели", как он говорит: образцы успеха для тиражирования. Финансирование перспективной модели для Костина не проблема, а буднично-рабочий вопрос.

— Как Катаргина находит приемные семьи?

— Ее ДД устраивает акции "Детей на лето в семью". На лето — то есть заведомо на ограниченный срок. В российском и украинском законодательстве такого понятия нет. Есть опекунов, попечительство, усыновление — через все комиссии и справки. У Катаргиной решение о выборе семей и детей из списка желающих производят сами работники детдома. Им помогает группа психологов из Красноярского университета. Я пытался такое делать в Одессе (Костин эту историю знает) и, несмотря на попустительскую дробность государственности, наткнулся на мощное сопротивление... общественного мнения. То есть как это "временно"? Что, живых детей напрокат дают, "на попробовать"? Подойдет — не подойдет? Ну и что, что в Канаде так делают? У них психологи отбирают. Так и у нас психологи... Нет, у нас неправильные психологи! Типичный пример двойных стандартов! Но не от власти, а от самого общества.

Да, на попробовать! И после этого многие семьи берут "попробованных" насовсем, оформляя уже официальные отношения.

— Как ей удается оформлять? — точно спрашивает Костин.

— Редкие семьи могут осилить такое без помощи юриста. Что означают в нашей стране "юридические услуги", надеюсь, все понимают? Даже если семья "подходит по нормативам" — жилой площади, доходу (легальному!), а нормативы эти тоже содраны с потолков (депутатских квартир), оформить усыновление нелегко. Если, как у подавляющего большинства благополучных семей, нормативы "не тянут", то размеры

взятки увеличиваются многократно. И не так ведь просто прийти с улицы в кабинет и взятку всучить. Специализирующиеся на приютах юридические фирмы плотно вписаны в систему коррупционных связей. Но даже если представить себе Россию и Украину без коррупции (...не смешно), все равно существует рынок юридических услуг. Открытый, международный, мировой — как и положено в либеральном проекте — или стремящийся к таковому. Несмотря на остаточный от прежних времен протекционизм (в либеральной терминологии — торможение реформ) наши семьи обречены на поражение в этой конкуренции. У западных усыновителей и жилплощадь в порядке, и деньги на все ходят. Глас общественного мнения: "детям там будет лучше". Вывозят в основном новорожденных, которые сами за себя решить не могут. Нашей нефти там тоже лучше: она попадает в более качественные бензобаки. Людей, которым лучше на своей небогатой Родине, торговцы детьми представить не в состоянии.

— А ты рассматривай это как бизнес, — предлагает Костин.

— На Западе это и есть прибыльный и легальный бизнес. Если такой совет озвучен, то у меня есть шансы просить у Костины инвестиции, дотаций. Не в коррупционный, а в легальный процесс. Одно только "но": по законам рынка я буду работать только на экспорт. А зачем мне это здесь? Если я выберу такой путь, то начну его с эмиграции.

— Очевидно, — полуспрашивает, полутверждает Костин, — у Катаргиной есть на это средства?

— Есть, — отвечаю. — Она — предприниматель, и при необходимости вкладывает в процесс свои деньги.

Зачем? По ее утверждению, не только из милосердия. Или — понятия о милосердии у нее нестандартные.

Из статьи директора ДД Светланы Катаргиной и психолога Марии Миркес "Сиротство: попытка увидеть монстра целиком":

"...когда мы решаем проблему сиротства, мы должны обнаружить того, у кого есть длинные планы на жизнь на этой земле, на того, кто собирается "жить здесь", строить жизнь здесь, кто отвечает за происходящее на этой земле, — "хозяина земли". Это не обязательно "крупный бизнесмен", "большой начальник" или глава города, государства. Хозяином может быть обыкновенный гражданин, самостоятельно и ответственно строящий свое будущее, будущее своей семьи и всего того, что рядом — в окрестности.

Если такой хозяин есть, то сирот нет, их обязательно устраивают в жизнь. Если хозяин исчезает, то сироты очень скоро проявляются и врываются в нашу жизнь вопреки нашему нежеланию это замечать".

— Ну, допустим, у нее есть какие-то деньги, — рассуждает Костин. — Но не бесконечные суммы, в разумных же пределах. А этого мало. Нужна поддержка местной власти.

У Сергея Костины такая поддержка есть. Кроме постоянного притока денег с Запада впервые в Украине и одной из первых на постсоветском пространстве "Дорога к дому" реализовала понятие "социальный заказ". Городские власти официально поручают некоммерческой организации часть работы по социальной помощи, финансируя эту работу из бюджета и внебюджета.

— У Катаргиной есть самая что ни на есть поддержка местной власти. Она — жена мэра.

В этом месте опять для не знакомого с тонкостями дела читателя можно ставить точку. Но для профессионала еще есть недоговоренность.

— Это же маленький городок? — уточняет Костин. — В таких шагу не могут ступить без санкции губернатора.

— Ну да. Только к Железнодорожскому это не относится. Это закрытый город.

Остатки российского ВПК, ядерного или какого-то там еще. Въезд только по специальным пропускам даже для жителей Красноярского края, не говоря уж об иностранцах. Право на заказ-оформление пропусков имеет узкий круг городской номенклатуры, в который входит и директор ДД. Формально-юридически Катаргина, как Макаренко, может просто не пустить в свой ДД комиссию Наркомпроса (в книгах классика тактично не написано, кому он отдавал приказы не пускать). Катаргина этим правом никогда не пользовалась, но его наличие действует психологически как потенциал сдерживания. Для ставшей притчей во языцех российской бюрократии вокруг Железнодорожского выстроен барьер. А внутри — бюрократия оказалась нестандартной. С длинными планами.

На "круглом столе" наступает пауза и ответвления тем. Сотрудники "Дороги к дому", люди, каждый день видящие ту сторону жизни, не стесняются употреблять в разговоре с журналистом слово "геноцид" — современный, украинского народа. Либерал-директор это позволяет и реагирует спокойно. Ему нужны творческие неравнодушные работники. Они рассказывают, что средний возраст бомжей снизился, теперь среди них все больше 25-летних. Учитывая,

что дети обычно уходят из дому в 7-10 лет, а первый приют появился в Одессе 15 лет назад, нынешние бомжи — это уже "выпускники" приютов. Новое поколение, которое выбирает пустые бутылки изпод "пепси" в мусороборниках. На вопрос "Сколько процентов из тех, кому вы оказали помощь, стали жить самостоятельной трудовой жизнью?" сотрудники благотворительной организации недоуменно переглядываются: "Мы не ведем такой статистики. И как же это отследить? Они исчезают куда-то... А просто без цифр, по опыту? Единичные случаи. Доли процента".

— Нет, — с сожалением говорит Костин, возвращаясь к теме Железнодорожского ДД, — это не модель. Не образец. Уникальный случай. Тиражирования не получится.

Я очень давно знаю этого незаурядного человека, обычно мы познаем друг друга. Кажется, мы призадумались об одном и том же. Представили себе затерянный, как у Уэллса, мир, мирок, городок, огражденный от нашего беспредела случайным стечением обстоятельств. Там чудом сохранились реликтовые формы жизни: власть, порядок, стабильность. Впрочем, на других, сытых континентах такие деревья и травы растут на каждой улице, а эти священные звери гуляют в полях. К ним привыкли как к само собой разумеющемуся элементу ландшафта. Их холят и лелеют, а даже если иногда топчут, то в пределах сохранения экоцидоза. Разрушить это — наступит экологическая катастрофа, разрушится и сытость.

— А впрочем... Это может быть... Может быть, для России это и модель.